

attitudes do not contradict each other characterizing phenomena from various views. The phase character of limit was proved by which the action is limited, indicated by verbs of perfect aspect form, those that indicate the beginning, the end (completion) or the beginning and the end of the action simultaneously and forming with verbs of perfect and imperfect form oppositions: inceptive-processing, process-limitative or multiple-single.

Keywords: category of verbal aspect, invariant, aspectual opposition, internal limit, the phasality, limitativity, inceptivity.

Надійшла до редакції 29 вересня 2012 року.

Вячеслав Теркулов

УДК 81'366

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ГЛАГОЛА: ЛИНГВАЛЬНО-КОГНИТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Запропоновану статтю присвячено інтеграційному семасіологічному визначенню загальної семантики дієслова з погляду лінгвальної когнітології. Автор вважає, що в основі об'єднання різних словоформ у дієслівну номінатему лежить граматична когнітивна метафора, що трактує у лінгвальному світі дію та стан, пов'язані з однаковою мовною формою, як процес. В основі цієї метафори лежить гештальтність дієслова, те, що в реченні він позначає певну інтерпретовану мовою ситуацію.

Ключові слова: гештальт, дієслово, когнітивна метафора, лінгвальний концепт, скрипт, фрейм.

Разработка лингвально-когнитологического подхода к различным уровням языковой системы, начатого мною в монографии «Номинатема: опыт определения и описания» [Теркулов 2010], закономерно привела меня к необходимости рассмотрения некоторых грамматических сущностей как объективаторов лингвального мира в речевых структурах. Все мои исследования до этого момента двигались в русле интерпретации с этой точки зрения именных единиц. Однако такой подход будет неполным, если оставить «за скобкой» глагольные номинатемы. Глагол, как известно, считается антитезой имени в системе языка. Очень интересно определил идеологию этого противопоставления в XVII веке Г.П. Павский, считавший глагол «словом по преимуществу». Он утверждал, что противопоставление имени и глагола основано на противопоставлении «изображения мыслей» (глагол) «изображению понятий» (имя) (цит. по: [Виноградов 2001: 349]). В принципе, такая трактовка не просто возможна – она очень четко формулирует статус глагольной номинатемы в языке: в системе семасіологически определяемых частей речи глагол как обозначение гештальта, как предикативный центр формирующейся мысли противопоставлен имени существительному, указывающему на объектные (комплементарные), а иногда – и обстоятельственные (прозекутивные) актанты этого гештальта. Однако, несмотря на очевидность этого противопоставления, вопрос о принципах выделения глагола достаточно сложен. Пока еще нет убедительного мнения о том, что же лежит в основе объединения разных по своей природе форм в глагольную номинатему. Именно это и формирует **актуальность исследования**.

Его **целью** является определение с позиций лингвальной когнитологии, науки, интерпретирующей языковые структуры как формы и продукты существования лингвальной реальности социума, общекатегориальной семасіологической семантики глагола.

Задачами работы являются: 1) установление места лингвального концепта в структуре языкового знака; 2) определение лингвального статуса общекатегориальной глагольной семантики; 3) описание форм воплощения гештальтной семантики глагола в речи в его актантной рамке.

Напомню, что традиционно под именем «глагол» ученые объединяют как минимум четыре морфологических объекта: личные формы, инфинитив, причастие, деепричастие (см., например: [Кузнецов 2001]). Отмечу, что даже при традиционных трактовках, исключающих из числа глагольных форм такие, например, единицы, как отглагольные имена действия типа *бег, лет* и под., такого реестра маловато. К какому, например, типу следует отнести формы прошедшего времени? Формы условного наклонения? К личным формам? Но они же не изменяются по лицам. Но даже такая квантитативно ограниченная классификация не может быть подкреплена представлением о частеречном тождестве рассматриваемых единиц. Если, например, говорить о морфологической составляющей этого прогнозируемого тождества, то следует указать на то, что разные формы глагола имеют разный набор грамматических показателей и грамматических значений, что не позволяет дать им единую грамматическую трактовку. Например, изменение по лицам присуще только формам настоящего-будущего времени и повелительного наклонения, но отсутствует в прошедшем времени, сослагательном наклонении, инфинитиве и т.д. Не абсолютен и синтаксический принцип объединения глагольных словоформ – они часто выполняют разные функции в предложении. Например, личные формы, формы прошедшего времени и т.д. настроены на выполнение предикативной функции, инфинитив – функции как предикатива, так и разнообразных актантов глагольной рамки (*я иду читать, он любит петь*). И поэтому очень часто высказывается мнение о том, что «система основных форм глагола не составляет грамматического класса, поскольку в морфологическом и синтаксическом плане являет собой очень пеструю картину» [Кузнецов 2001: 109]. Остается только семантический признак. Однако и здесь есть сложности.

Есть два подхода к интерпретации общей семантики глагола:

1. **Расчлененная трактовка семантического тождества глагола.** Сторонники этой трактовки, берущей начало в работах Г. Павского, Н.И. Греча и др., а также нашедшей свое воплощение в школьных грамматиках, утверждают, что глагол обозначает действия или состояния. Такой подход к интерпретации значения глагола как части речи нельзя признать убедительным, поскольку основание интерпретации разных единиц как односущностных должно как раз и опираться на данную односущность, то есть иметь в своем основании интегрированное определение.

2. **Интегрированная трактовка семантического тождества глагола,** предполагающая возможность такой односущностной интерпретации. Еще М. Ломоносов предполагал, что глагол обозначает деяние, которое определяется как «действие, дело, поступок или страдание». А.А. Барсов определял значение глагола как обозначение состояния лица или вещи, под которым понимал «бытие, действие или страдание». К.С. Аксаков связывал его с широко понятым действием. Д.Н. Овсянко-Куликовский считал, что глагол обозначает признаки, производимые действием предмета (см. обзор концепций: [Шарандин 2009: 135-166]). Сейчас обычно говорится о том, что основой объединения разных по семантике единиц в разряд глаголов является наличие у них семы процессуальности [Грамматика 1980: 582]. Общая черта указанных определений – поиск референтного, внеязыкового объяснения семантики элемента языковой системы. Однако такой подход всегда обречен на неудачу. Онтологический, внеязыковой мир существует объективно вне той системы координат, которая формируется языком. С точки зрения физического бытия человека, процесс – это «последовательная смена явлений, состояний в развитии чего-нибудь». И какая последовательная смена явлений отмечается, например, в семантике глаголов *лежать, быть, принадлежать* и т.д.? Прав, в связи с этим, В. Сланский, писавший: «А какую путаницей и несообразностью характеризуются принятые понятия о частях речи! *Читать, ходить, прыгать, радоваться, печалиться* – наименования действий и состояний: а если я скажу *чтение, хождение, прыганье* или *прыжок, радость, печаль*, то разве это не будет наименование тех же самых действий? Далее, если я скажу, например, об огне – *он жжется*, о холоде, что *он сжимает тела*, о магните – что *он притягивает* и т.п., то ведь я тут, кажется, буду указывать свойства предметов – *огня, холода, магнита*... Чем же будут выражаться тут свойства? Не прилагательными, а глаголами» (цит. по: Шарандин 2009: 156)).

Однако следует согласиться с теми учеными, которые, как это ни парадоксально, все-таки констатируют наличие сем процессуальности у всех глагольных форм, указывая при этом, что эта процессуальность представляет собой не онтологическую, а языковую интерпретацию признака: «Как значение грамматической предметности не совпадает с лексическим значением предмета, так и категориальная семантика действия (процессуального признака) не тождественна с лексической семантикой глаголов» [Жамынина 1999: 141]. Ученые, правда, обычно предполагают грамматическую интерпретацию процессуальности. Я же вижу другой путь – путь лингвальной интерпретации бытия.

Я предполагаю существование между онтологическим миром (миром физического бытия человека) и человеком некоей промежуточной сущности – лингвального мира, организованного языком мира событий, то есть перформативного лингвального бытия социума и субъекта. Человек, на мой взгляд, является более *Homo lingualis*, чем *Homo sapiens*, поскольку чаще всего разум руководит его поступками не напрямую, а через организованную языком реальность: не язык определяет мышление, а мир, созданный языком, является миром нашего **человеческого** существования. Наше поведение обусловлено законами этого мира, хотя и имеет, в то же время, онтологические рамки. Люди существуют в первую очередь среди тех сущностей, которые либо обозначены языком (то есть существуют объективно за пределами языка и констатируются им), либо созданы им (то есть существуют только в лингвальном мире). Например, когда мы *закусываем*, мы просто едим. Язык создает наименование для закусывания, не отражающее напрямую сущность обозначаемого процесса. Эту сущность отражает глагол *есть*. Когда мы *закусываем*, мы, повинувшись законам нашего лингвального мира, привязываем процесс еды к питью крепких спиртных напитков (вино мы не *закусываем*, им мы *запиваем* еду). Но когда мы *выпиваем* (водку) и *закусываем* ее чем-то, мы точно так же едим и пьем, как и тогда, когда едим мясо и пьем вино, едим пирожные и пьем чай и т.д. С точки зрения онтологического мира, эти процессы физиологически полностью (или почти полностью) идентичны. Мы выделяем выпивку и закуску только в лингвальном мире, поскольку, во-первых, само питье водки в нашем лингвальном мире значимо (в редких языках есть эквивалент русскому глаголу *закусывать*, в то время как эквиваленты глагола *есть* отмечаются во всех языках мира), а во-вторых, еда в этом же лингвальном мире может только сопровождать эту самую **значимую** выпивку. Но это уже не описание объектов онтологической реальности, а создание сущностей лингвального мира (не было бы слова *закусывать* – было бы просто *есть*).

В связи с тем, что язык, пытаясь отразить внеязыковую реальность, создает свои концепты, я и предлагаю считать, что помимо ментальных концептов, которые меня как лингвиста интересуют лишь постольку, поскольку могут быть репрезентированы в языке, существуют концепты лингвального мира, которые «схвачены знаком» и поэтому навязываются нам знаком. При этом ментальные концепты как сгустки знаний об онтологическом мире и лингвальные концепты как конструкты лингвального мира хоть и взаимосвязаны, но являются все же разными сущностями. Лингвальные концепты не констатируют знания, а формируют его. Причем благодаря концептуальной метафоре не так, как ментальные концепты. Например, номинатема *осел* может быть соотнесена с двумя ментальными концептами – «животное» и «упрямый человек», но только с одним лингвальным концептом. Актуализация его в животном и человеке осуществляется как расширенная референция, обусловленная отождествлением в образе этих двух денотатов. Вот как

описывает этот процесс Н.А. Красавский: «В основе метафоры лежит какое-либо сравнение, определённое формальное или функциональное сходство между различными фрагментами действительности. Человеческое сознание, фиксируя подобного рода сходства, **как бы уподобляет один предмет, его признаки, в целом одно явление другому предмету, явлению**» [Красавский 2006: 23] (все выделено мной. – *В.Т.*). В лингвальном концепте «осел» – это одновременно и человек, и животное. Язык отождествляет в лингвальной реальности человека и животное.

В связи с этим я предполагаю возможность лингвальных отождествлений – лингвальных когнитивных метафор, объединяющих в образе разные с онтологической точки зрения сущности и делающих их единой сущностью лингвального мира. Способность к метафоризации пронизывает все уровни языковой структуры, в том числе – и грамматический. Именно формально закреплённая грамматическая когнитивная метафора, отождествляющая, интерпретирующая разные состояния как процессуальные (вернее, лингвально процессуальные), и является причиной их глагольной формализации. В основе этой метафоры лежит гештальтность глагола, то, что в предложении он обозначает целую ситуацию.

Гештальтность глагола объективируется при помощи набора лингвальных (грамматико-семантических) признаков, с которым языковое сознание связывает эту самую лингвальную процессуальность. К ним относятся:

1) признак предикативности: способность глагола быть центром предложения, обозначением гештальта, вбирающим в себя семантику не только признака, но и объекта; данная характеристика реализуется в значениях переходности, наклонения, залога и лица;

2) признак лингвальной процессуальности: представление об обозначенном глаголом признаке как о протекающем во времени (видовое значение) и существующем во времени (значение времени). Ученые различают акциональный процесс (я его называю скриптом) и статальный процесс (я его называю фреймом).

Данные признаки по-особому реализуются в речи. Тут, правда, нужны дополнительные замечания, касающиеся статуса лингвального концепта. Следует сказать, что лингвальный концепт является не только квантом лингвального мира, но и знанием о том, как он может быть актуализирован в этом лингвальном мире, то есть знанием о знаке, объективирующем данный лингвальный концепт. Я предполагаю, что лингвальный концепт является инвариантом знака, определяющим границы его тождества. Например, лингвальный концепт «читать» обозначается глаголом *читать*, и все его формы могут быть определены, как находящиеся в состоянии тождества только в том случае, если они осуществляют референцию в пределах сферы ответственности данного концепта, актуализируя те или иные его стороны. Например, *прочитал* (время), *читал бы* (условие), *читает быстро* (скорость), *я же читаю* (причина), *читать книгу* (объект) и т.д. Очевидно, что кроме обеспечиваемого связью с одним и тем же концептом семантического тождества знака, необходима еще и собственно языковая, формальная составляющая этого тождества. Этой составляющей я считаю формальную взаимосвязанность всех языковых воплощений концепта. Однако, в этом случае мы вынуждены считать, что *читаю* и *читал быстро* объективно являются реализациями одного и того же знака, поскольку:

1. Они осуществляют референцию в пределах одного концепта (обозначение *чтения*), актуализируя разные характеристики данного концепта (лингвального процесса): в первом случае – то, что действие происходит сейчас, а говорящий является производителем данного действия, а во втором – то, что действие происходило раньше и с высокой интенсивностью (*быстро*).

2. Они формально взаимосвязаны: их связывает корневой звукокомплекс *чита-*.

Как видим, один и тот же номинативный знак может выражаться как синтетически, актуализируя те или иные компоненты структуры лингвоконцепта (семы, слоты) при помощи внутренних составляющих структуры знака (морфемы), так и при помощи зависимых слов, то есть аналитически. В этом случае мы не можем считать, что какой-то определенный глагол отождествим только со словом. Он может реализоваться в речи и в слове (*читаю*), и в словосочетании (*читал быстро, буду читать*), и в сочетании со служебным словом (*читал бы*). Именно то, что в речи номинативная единица, связываемая в словаре со словом, вырывается за пределы слова, и позволило мне считать, что любая номинативная единица должна рассматриваться в пределах дихотомии «язык – речь». При этом на уровне языка основой тождества этой единицы является лингвальный концепт, сформированный знанием о созданном языке лингвальном мире и знанием о возможности своей формально взаимосвязанной реализации в речи. На уровне речи осуществляется формализованная актуализация лингвального концепта в пределах его референции (отнесения к конкретному факту и событию) и коагуляции (актуализации того или иного коммуникативно значимого элемента лингвоконцепта) при помощи слова, словосочетания или сочетания знаменательного и служебного слов.

Единицу языкового уровня я называю номинатемой (в нашем случае – глагольной номинатемой), единицу речевого уровня – глоссой.

Такой подход позволяет по-новому интерпретировать структуру двусоставного нераспространенного предложения. Я предполагаю (см. подробнее [Теркулов 2010]), что существует противопоставление субстантных концептов, обозначающих референты лингвального мира, и гештальтных концептов, обозначающих ситуации лингвального мира, представляя их в виде фреймов и скриптов, которое реализуется и на коммуникативном уровне – уровне предложения, где они выступают уже не как номинативные, а как предикативные конструкции. При этом базовым коммуникативным воплощением концепта является именно простое двусоставное предложение, поскольку «двусоставное простое предложение – основной структурно-

семантический тип простого предложения, обладающий наиболее полным набором дифференциальных признаков» [Беловольская 2001: 28]. Такой статус простого двусоставного неосложненного предложения позволяет считать, что в нем когнитивные сущности представлены в чистом виде.

Простое двусоставное предложение может реализовывать либо семантику субстантного концепта, когда номинатема-сказуемое констатирует наличие у концепта, обозначенного номинатемой-подлежащим, той или иной характеристики (*Я летчик*), либо семантику гештальтного концепта, когда номинатема-подлежащее становится обозначением концепта, провоцирующего возникновение ситуации, обозначенной глагольной гештальтной номинатемой-сказуемым (*я становлюсь летчиком*).

В первом случае речь идет о несентенциональных предикатах, а во втором – о сентенциональных, к которым, собственно, относится глагол, вернее, глагольная номинатема.

Следует сказать о двух признаках глагольной сентенциональной номинатемы.

1. Она несет в себе представление о ситуации, лингвальную интерпретацию ситуации, то есть является воплощением гештальтного концепта. По мнению Е.А. Селивановой, глаголы – это компактные наименования ситуаций и структур действительности. Следовательно, основная составляющая лингвальной процессуальности – это представление о ней как о ситуации, гештальте. При этом гештальт может выступать в глаголе в двух видах:

а. Как скрипт, сценарий (акциональный процесс), то есть представление о динамической ситуации, например, *читать, бежать* и т.д.

б. Как фрейм (статальный процесс), то есть как представление о статической ситуации, например, *лежать, видеть, состоять* и т.п.

2. В принципе, в двусоставном предложении есть только две номинатемы: подлежащее, номинирующее определенный языком гештальт-агент, то есть некоего, по утверждению Джорджа Лакоффа, ответственного за ситуацию (*дом строится рабочими, рабочие строят дом*), и сказуемое, указывающее на саму ситуацию. Все зависимые компоненты как подлежащего, так и сказуемого, являются элементами их номинатемной структуры. Иначе говоря, гештальтное предложение обычно репрезентирует в себе дихотомию «гештальт-агент» (создатель гештальтной ситуации, выраженный подлежащим) – «глагольный гештальт-предикат» (то есть, собственно, гештальтная ситуация). Например, в предложении *Серебряный ключ открыл золотую дверь* гештальт-агентом является глосса *серебряный ключ* номинатемы *ключ*, а гештальт-предикатом – глосса *открыл золотую дверь* номинатемы *открыть*. Об этом писал С.Д. Кацнельсон: «В содержательном плане глагольный предикат – это нечто большее, чем просто лексическое значение, он в то же время содержит в себе макет будущего предложения» [Кацнельсон 1972: 83]. Предикат имеет «места» или «гнезда», заполняемые в предложении словами, категориальные признаки которых находятся в соответствии с категориальными признаками «гнезда» и которые входят в глагольную номинатему как в единую номинативную единицу. Эти гнезда я называю актантами или, по-другому, аргументами глагола. Их со времен работ Ч. Филлмора [Филлмор 1981] называют еще глубинными падежами. Я же считаю, что термин падеж в данном случае не очень убедителен, поскольку он связан в нашем сознании с именем, в то время, как аргументы могут быть актуализированы и при помощи других частей речи, например, наречия. Классификация аргументов дается в работах многих ученых – Ч. Филлмора, В.К. Гака, И.П. Сусова, Г.А. Золотовой и других. Я предлагаю Вам свою классификацию. Я различаю два вида аргументов, зависимых частей глагольной номинатемы, формирующих ее аргументную или актантажную рамку.

Во-первых, это комплементарные аргументы, указывающие на объекты, связанные с ситуацией, обозначенной глаголом. Среди них выделяются:

Фактитив. Данный аргумент актуализирует объект, возникающий в результате действия. Можно предположить наличие двух разновидностей фактитива. Во-первых, это финитив, указывающий на объект, которого еще нет и который только возникнет в результате определенного действия: *я варю мыло* (преобразование: жир – мыло). Во-вторых, это трансгрессив, который актуализирует объект преобразования: *я варю мясо*. Трансгрессив указывает на объект, который уже есть, но который приобретает в результате воздействия на него новое качество (преобразование: сырое мясо – вареное мясо).

Патиентив – аргумент, вербализующий объект, на который направлено действие. Здесь следует различать:

а. аллатив – аргумент, указывающий на объект, над которым совершается действие: *я открываю дверь* (прямое дополнение – винительная форма).

б. дистрибутив – аргумент, указывающий на объект, подвергающийся распределению: *мы сеем зерно* (прямое дополнение – винительная форма). Часто может выражаться творительной формой в косвенном дополнении (*я снабжаю провиантом*).

в. бенефициантив – аргумент, вербализующий объект, в пользу которого совершается действие: *я все это делаю для жены* (косвенное дополнение – родительная аналитическая форма).

г. контрагентив – аргумент, указывающий на объект, против которого направлено действие: *я лечусь от хандры* (косвенное дополнение – родительная аналитическая форма).

Каузатив комплементарный. Данный аргумент обозначает объект, являющийся стимулом для гештальт-агента для создания гештальтной ситуации: *я люблю жену* (прямое дополнение – винительная форма). В указанном предложении «жена» является причиной состояния влюбленности гештальт-агента я.

Комитатив комплементарный – аргумент, вербализующий объект, выступающий в роли сопровождающего:

ехал с друзьями (косвенное дополнение – творительная аналитическая форма).

Медиатив – аргумент, вербализующий объект, являющийся средством для выполнения действия. Различаются:

а. инструменталис, указывающий на объект, являющийся орудием для выполнения действия: *я рублю топором* (косвенное дополнение – творительная форма);

б. собственно медиатив, актуализирующий неинструментное средство: *я лечусь водкой* (косвенное дополнение – творительная форма);

в. фабрикатив, указывающий на материал, из которого сделан, изготавливается предмет: *дом сделан из камня* (косвенное дополнение – родительная форма).

Дестинатив комплементарный – аргумент, определяющий назначение действия, например: *я обеспечиваю её старость* (прямое дополнение – винительная форма).

Во-вторых, это прозекутивные актанты, указывающие на обстоятельства, формирующие ситуацию, обозначенную глаголом. Здесь следует различать:

1. Локатив – аргумент, указывающий на место, связанное с процессом: *я лечу высоко, я лежу в кровати*.

2. Темпоратив – аргумент, указывающий на время, связанное с процессом: *я приеду утром, я спал весь день*.

3. Квалитатив – аргумент, указывающий на качество процесса: *я пишу быстро, я читаю с удовольствием*.

4. Каузатив прозекутивный – аргумент, указывающий на причину возникновения процесса: *он сказал это сгоряча*.

5. Коррелятив – аргумент, определяющий соответствие / несоответствие объекта другому объекту, например: *он делает все, как калека*.

6. Интенсив – аргумент, указывающий на степень реализации процесса: *он выпил-то чуть-чуть, она не очень его жалела*.

7. Нумератив – аргумент, указывающий на кратность процесса: *она дважды ему сказала об этом, он опаздывал много раз*.

8. Комитатив прозекутивный – аргумент, указывающий на совместность субъектов реализации процесса: *мы сделали это троим*.

9. Дестинатив прозекутивный – аргумент, указывающий на цель процесса: *он нарочно ничего не сказал, она сделала это назло ему*.

Итак, я констатирую, что объединение глагольных словоформ в единую номинатему осуществляется на основе грамматической когнитивной метафоры, интерпретирующей в лингвальном мире действие и состояние как процесс и формирующей лингвальный гештальт. Данное формирование происходит как объективация в речи актантной рамки глагольной номинатемы в глоссе-словосочетании. Я различаю комплементарные актанты, актуализирующие объектную рамку глагола, и прозекутивные актанты, показывающие его обстоятельство рамку.

Предложенный подход к трактовке общекатегориальной семантики глагола отграничивает его от девербативов, причастий и деепричастий. Последние не являются носителями предикативной функции и базой синтаксического гештальта. Такой взгляд семасиологичен и синтаксичен по своей сути, поскольку объективирует путь «форма – функция – значение». Противоположный подход – ономасиологический и лексико-семантический – даст абсолютно иную картину частей речи, в которой, повинувшись логике семантической интерпретации словоформы, мы должны будем считать глаголами все обозначения действия: и собственно глаголы, и причастия, и деепричастия, и даже девербативы. Различие их формы будет трактовано только как мимикрия ономасиологического глагола к его речевым функциям. Однако это тема для будущих исследований.

Литература

Беловольская 2001: Беловольская, Л.А. Синтаксис словосочетания и простого предложения (конспекты лекций) : учебное пособие [Текст] / Л. А. Беловольская. – Таганрог, 2001. – 55 с.

Виноградов 2001: Виноградов, В.В. Русский язык : грамматическое учение о слове [Текст] / В. В. Виноградов. – 4-е изд. – М. : Русский язык, 2001. – 720 с.

Камынина 1999: Камынина, А.А. Современный русский язык : морфология : учебное пособие для студентов филологических факультетов государственных университетов [Текст] / А. А. Камынина. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 240 с.

Кузнецов 2001: Кузнецов, С.А. О категории репрезентации русского глагола [Текст] / С. А. Кузнецов // Исследования по славянским языкам. – № 6. – Сеул, 2001. – С. 109-126.

Кацнельсон 1972: Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление [Текст] / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972. – 216 с.

Красавский 2006: Красавский, Н.А. Немецкие инвективы : опыт лингвогендерологического описания [Текст] / Н. А. Красавский // Концептосфера и языковая картина мира. – Кемерово : Кемеровский полиграфический комбинат, 2006. – С. 21-26.

Грамматика 1980: Русская грамматика [Текст] / глав. ред. Н. Ю. Шведова : в 2-х томах. – Т.1 : фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. – М. : Наука, 1980. – 784 с.

Теркулов 2010: Теркулов, В.И. Номинатема : опыт определения и описания [Текст] / В. И. Теркулов. – Горловка : ГГПИИЯ, 2010. – 228 с.

Филлмор 1981: Филлмор, Ч. Дело о падеже [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1981. – Вып. X. – С. 369-495.

Предложенная статья посвящена интеграционному семасиологическому определению общей семантики глагола с точки зрения лингвальной когнитологии. Автор считает, что в основе объединения разных словоформ в глагольную номинатему лежит грамматическая когнитивная метафора, которая трактует в лингвальном мире действие и состояние, связанные с одинаковой языковой формой, как процесс. В основе этой метафоры лежит геистальтность глагола, то, что в предложении он обозначает интерпретированную языком ситуацию.

Ключевые слова: геистальт, глагол, когнитивная метафора, лингвальный концепт, скрипт, фрейм.

Suggested article is devoted to integral semasiological definition of the verb general semantics from the point of view of lingual cognitology. The author considers that the basis for combination of various word forms into verb nominatheme is grammatical cognitive metaphor by which action and condition that relate to the similar language form are interpreted as process in lingual world. This metaphor is based on verb gestalt, which means that in sentence the verb denotes the situation interpreted by the language.

Keywords: gestalt, verb, cognitive metaphor, lingual concept, script, frame.

Надійшла до редакції 20 серпня 2012 року.

Ганна Хрупіна

УДК 81'37:81'367.624=112.2

ДІЄСЛОВА ЗІ ЗНАЧЕННЯМ НЕГАТИВНОГО ПСИХІЧНОГО ВПЛИВУ В СУЧАСНІЙ НІМЕЦЬКІЙ МОВІ

Статтю присвячено дослідженню семантики дієслів психічного впливу (ДПВ) у сучасній німецькій мові, виявленню закономірностей їхнього структурно-семантичного розвитку і створенню семантичної класифікації. Основну увагу приділено розгляду лексико-семантичної підгрупи ДПВ зі значенням негативного впливу та аналізу синонімічних рядів ДПВ, які входять до її складу.

Ключові слова: дієслова психічного впливу, семантична класифікація, лексико-семантична група, синонімічний ряд.

1. Для передачі змін в емоційному, вольовому або інтелектуальному стані істоти, які відбуваються під нефізичним впливом іншої істоти, у мові функціонують дієслова психічного впливу. Найповніше теорію впливу представлено в психології та психолінгвістиці, де описано кілька його різновидів. Вплив характеризується як «процес і результат зміни індивідом поведінки іншої людини, його установок, намірів, уявлень, оцінок тощо під час взаємодії з ним» [Різун та ін. 2005: 37]. У відповідь на психічний вплив з боку індивідуума або життєво значущих подій у людини проявляються емоції, які сприяють мобілізації або гальмуванню внутрішньої і зовнішньої діяльності людини; впливають на зміст і динаміку її пізнавальних психічних процесів: сприйняття, уваги, уяви, пам'яті, мислення. Б.Г. Мещеряков дає дефініцію емоціям як «особливому класу психічних процесів і станів (людини і тварин), які пов'язані з інстинктами, потребами, мотивами, що відбивають у формі безпосереднього переживання (задоволення, радості, страху тощо) значущість явищ і ситуацій, що впливають на індивіда, для здійснення його життєдіяльності» [Мещеряков, Зинченко 2002: 567]. А.С. Баум зазначає, що під емоціями в основному мають на увазі «сильні психічні стани, що дають початок почуттям і пристрастям. Кожен такий стан зазвичай характеризуються спрямованістю: емоції зазвичай бувають позитивними або негативними» [Психологическая энциклопедия 2006: 1626]. Існують сотні емоційних станів, багато з яких являють собою ті чи інші відтінки один одного. Для того, щоб зрозуміти всі ці стани, дослідники намагалися ідентифікувати базові виміри, на основі яких їх можна було б класифікувати. У цій роботі дається спроба класифікації дієслів психічного впливу, що описують поведінку суб'єкта, який у процесі спілкування впливає на об'єкт психічно і спричиняє в нього негативні емоції.

1.1. ЛСГ дієслів психічного впливу (далі ДПВ) розуміється як ієрархічна організація, що об'єднує слова однієї частини мови на базі єдиної семантичної ознаки – семи «психічний вплив». Термін «підгрупа» був обраний у традиційному значенні «підрозділ групи»; «синонімічний ряд» розуміється як кінцева одиниця лексичного дерева, яка об'єднує в собі значення слів, що знаходяться у відношеннях безпосередньої семантичної близькості і відповідають дефініції, яку дав Ю.Д. Апресян: «Синонімами зазвичай вважаються слова з однаковими або близькими значеннями і сполучуваністю, яка частково збігається, здатні замінювати один одного в деяких контекстах» [Апресян 2009: 200]. Опис ДПВ містить семантичні ознаки, що, за